

На правах рукописи

Петрушин Евгений Сергеевич

**ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО И ПРЕДВЗЯТАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ:
ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань — 2010

Работа выполнена на кафедре общей философии факультета философии ГОУ ВПО
«Казанский государственный университет»

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент

Мелихов Герман Владимирович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Тайсина Эмилия Анваровна

кандидат философских наук, доцент

Галиева Альфия Макаримовна

Ведущая организация: Казанский государственный архитектурно-строительный университет.

Защита состоится «20» мая 2010г. в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д.212.081.16 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул.Кремлевская, д.18, второй корпус, ауд. 216.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» апреля 2010г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Предмет изучения настоящей работы в самом широком смысле слова может быть сформулирован как социально-философское осмысление поэтического слова.

Специфику социально-философского анализа задает ракурс данного исследования: нас интересует проблематика интерпретации поэтического текста, которая рассматривается нами как *коммуникативное событие*.

Традиционно социально-философский анализ осуществляется на макросоциальном уровне: его предметом являются предельно общие, фундаментальные закономерности и процессы социальной жизни человека. Базовые понятия этого уровня — общество, социальная система, социальная деятельность, социальная динамика, класс, власть и др. Социальные теории Э.Дюркгейма, К.Маркса, П.Сорокина, Т.Парсонса, К.Леви-Строса, Н.Лумана и др. хорошо демонстрируют особенности данного подхода.

В российской социальной философии макросоциальный уровень исследования является ведущим. Нам приходилось сталкиваться с распространенным убеждением, согласно которому анализ проблематики языка и коммуникации не относится к области социальной *философии* на том основании, что в этой проблематике не выражаются фундаментальные закономерности.

Тем не менее, мы считаем, что проблема интерпретации поэтического текста может быть решена средствами социальной философии на *микросоциальном* уровне. Круг вопросов этого уровня социально-философского анализа основан на идеях М.Вебера, который, как известно, предлагал интерпретировать социальную реальность, полагаясь на внутренний смысл человеческих поступков. Значительный вклад в развитие данного подхода внесли такие известные социальные теоретики как Д.Г.Мид, Ч.Кули, А.Шюц, Г.Гарфинкель и др. Этих мыслителей интересовал вопрос: если каждый человек обладает свойством индивидуальности, то, как возможны общие значения, на основании которых осуществляется интеракция (взаимосвязь между людьми)? Базовые понятия этого уровня — социальная группа, личность, коммуникация, дискурс и др.

Таким образом, в рамках микросоциального подхода в социальной философии обсуждаются те же *общие* (философские) проблемы, но только с точки зрения *отдельного*.

Сегодня большое влияние на развитие социальной философии (на микросоциальном уровне) оказывает подход, сложившийся на основании достижений в области структурализма, семиотики, микросоциологии, философии языка (и прежде всего теории

речевых актов Д.Остина и Д.Сёрля), социолингвистики, теории речевой и массовой коммуникации, и получивший название «дискурс-анализ» («дискурсивный анализ»).

Другая важная тема нашей работы выражена в термине «предвзятая интерпретация». Мы исходим из допущения, что всякая интерпретация текста в той или иной степени является *идеологически предвзятой* в том смысле, что наша интерпретация неявно воспроизводит мифы (в понимании их Р.Бартом), актуальные на данный момент. Феномен «предвзятой интерпретации» вводится нами, опираясь, в том числе, и на положения дискурсивного анализа.

Проблема интерпретации поэтического текста решается нами на *микросоциальном уровне* с привлечением достижений философской герменевтики Г.-Г.Гадамера, философии текста М.Бахтина, дискурс-анализа Т.А. ван Дейка и генеалогии М.Фуко, что и делает раскрытие темы нашего исследования актуальным социально-философским исследованием.

Степень научной разработанности проблемы

Данное исследование является междисциплинарным, поскольку охватывает широкий круг вопросов, относящихся сразу к нескольким дисциплинам: социальной философии, философской герменевтике, философии текста, дискурсивного анализа, генеалогии (М.Фуко). Междисциплинарный статус исследования предполагает использование широкого тематического спектра специальной литературы.

Тема диссертации связана с рассмотрением целого комплекса проблем, касающихся понимания и интерпретации поэтического текста, его событийной природы, интертекстуальности, предвзятой интерпретации.

В наиболее общем виде постановка проблемы понимания текста осуществлена нами в рамках философской герменевтики. Различные аспекты философской герменевтики раскрывались и освящались в работах зарубежных и отечественных философов и ученых. Одной из ведущих тем философской герменевтики является *проблема понимания*. Данная проблема подвергалась анализу не только в рамках собственно философской герменевтики. Значительный вклад в ее разработку внесли представители философии религии (Ф.Шлейермахер), философии жизни (В.Дильтей), философии диалога (М.Бахтин), феноменологии (Г.Шпет), философии науки (Ст. Тулмин). О понимании писали А.Уайтхед, П.Рикер и Ю.Хабермас. В России относительно недавно вышли три работы, возвращающие проблематику герменевтики в гуманитарные науки — это книги В.Айрапетяна, И.Инишева и В.Изера. Филологической герменевтике были посвящены труды ученого-филолога из Твери Г.Богина. Однако важнейшими источниками настоящего исследования стали работы двух крупнейших философов-герменевтов М.Хайдеггера и Г.-Г.Гадамера.

Проблему *поэтического текста* и его интерпретации мы ставили, опираясь на труды западных исследователей М.Хайдеггера, Г.-Г.Гадамера, Ю.Кристовой, Р.Барта, П.Рикера, П.Валери и др., а также на работы отечественных авторов: Ю.Лотмана, М.Бахтина, В.Руднева, Л.Выготского, В.Библера, В.Айрапетяна, Г.Антипова и др.

Следующая важная тема нашей работы отражена в термине «*событие*». Согласно Ж.Делезу, понятие *событие* приходит на смену категории *сущность* и выражает изменения, происходящие в современной европейской философии. Понятие события рассматривалась не только в работах Ж.Делеза. Различные стороны этого термина обсуждали в своих трудах М.Хайдеггер, М.Фуко, Ж.-Л.Нанси, Ж.Деррида, В.Бибихин, В.Подорога, А.Ахутин и другие зарубежные и отечественные авторы. Все названные авторы сходятся в том, что использование понятия «событие» связано с необходимостью введения в современную философию проблематики языка, времени и процессуальности. Утверждается, например, что смысл не существует вне выражающих его грамматических форм и вне «процесса» его выражения (Ж.Делез). В контексте предлагаемой диссертационной работы термин «событие» употребляется в сходном смысле и указывает на ряд важных для нас положений: во-первых, художественный (и поэтический) текст не имеет одного *сущностного* значения, он принципиально полисемантичен; во-вторых, смыслы, открываемые в художественном тексте, не существуют вне процедуры его интерпретации («чтения»); в-третьих, процедура интерпретации (и венчающее ее понимание) рассматриваются нами как фундаментальные характеристики человеческого бытия, открывающие его миру.

Проблема *интертекстуальности* разрабатывалась нами на материале работ западных и отечественных исследователей: Ю.Кристовой, Р.Барта, Т.А. ван Дейка, М.Ямпольского, М.Рыклина и др.

Один из ключевых терминов нашей работы — «предвзятая интерпретация» — является авторским. Мы вводили его, отталкиваясь от работ Г.-Г.Гадамера, Т.А. ван Дейка и М.Фуко.

И все же, несмотря на внушительное количество публикаций, посвященных очерченному кругу проблем, сохраняется необходимость их дальнейшей разработки. Это, прежде всего, касается проблематики событийности поэтического слова и феномена предвзятой интерпретации.

Объектом данного диссертационного исследования выступает поэтический дискурс как социальное явление.

Предмет исследования: истолкование поэтического текста как со-бытия человека и (социального) мира.

Цель исследования: рассмотрение условий, способствующих и одновременно мешающих реализации смысла поэтического произведения в опыте его интерпретации.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие теоретические **задачи**:

1. Выявить особенности герменевтики как метода философствования.
2. Рассмотреть понятия «текст», «художественный текст» и «поэтический текст» в рамках философской герменевтики.
3. Раскрыть содержание поэтического текста как со-бытия человека и мира.
4. Ввести представление об интертексте, сопрягая герменевтику, философию диалога и дискурс-анализ.
5. Раскрыть особенность предвзятой интерпретации.
6. Рассмотреть генеалогию М.Фуко в качестве герменевтической процедуры (само)интерпретации, призванной проблематизировать актуальный социальный контекст исторического предания.

Методологические и теоретические основания исследования. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что в нашей диссертации нашли применение методы и принципы философской герменевтики в понимании ее М.Хайдеггером и Г.-Г.Гадамером, философии текста М.Бахтина, (пост)структуралистское понимание интертекстуальности, а также принципы дискурсивного анализа Т.А. ван Дейка и генеалогии М.Фуко.

Научная новизна и основные результаты исследования, выносимые на защиту: определяются как характером, так и способом разрешения поставленных задач, и заключаются в том, что диссертационное исследование выделяет новый аспект изучения поэтического текста на микросоциальном уровне как коммуникативного события.

К важным элементам содержания диссертации, доказывающим ее новизну и значимость, относятся следующие положения:

1. Выявлена специфика герменевтики в современном ее понимании, основанная на двух принципах: во-первых, это поиск подлинного, «аутентичного» и неотчужденного бытия человека в истории, главной чертой которого является целостность разумного человеческого существования (единство индивидуального существования и исторического предания); во-вторых, это принципиальная соотносимость с языком любого человеческого опыта.
2. Показано, что поэтическая истина может раскрывать себя в рамках герменевтического круга — в единстве интерпретирующего, интерпретируемого и исторического предания (определенной традиции истолкования). Диалогическая

концепция текста позволила диссертанту рассматривать это единство через понятия «интертекста», а саму поэтическую истину как «событие».

3. Установлено, что дискурс-анализ выводит проблематику интертекста на микросоциальный (интерсубъективный) уровень: интертекст рассматривался в этом случае как коммуникативное событие, в котором участники коммуникации воспроизводят общие для них формы знаний, представлений, установок и мифов. Выявлено, что в процессе интерпретации поэтического (и философского) текста воспроизводится не только «историческое предание» (общезначимые знания, ценности и установки), но и идеологические представления, коллективные и индивидуальные мифы.
4. Выявлены особенности идеологически предвзятой интерпретации:
 - Эта интерпретация всегда будет частичной, неполной в том смысле, что она формируется на основе избирательного чтения того или иного автора, в творчестве которого выделяются те или иные отдельно взятые (поэтические) идеи, положения, формулировки. Вместе с тем, будучи избирательной, эта интерпретация, тем не менее, претендует на самое полное и адекватное прочтение того или иного автора.
 - Идеологически предвзятая интерпретация проявляет себя на микросоциальном уровне коннотативных значений дискурса, в которых ретранслируются формы коллективного сознания и воспроизводятся индивидуальные мифы. Стереотипы, готовые клише и штампы воспроизводятся в интерпретации и выдаются за ее результаты.
 - Установлено, что существенной чертой этой интерпретации является сворачивание интертекста, превращение его в однородный массив смыслов, отличающихся друг от друга небольшими оттенками и нюансами. Природа интертекста полифонична — «там» встречаются разные, равноправно звучащие голоса. Предвзятая интерпретация лишает другие высказывания права голоса. Она обладает силой принуждения.
 - Установлено, что предвзятая интерпретация является спонтанным процессом — она имеет форму самообмана.
5. Выдвинута и обоснована идея, согласно которой генеалогия М.Фуко может быть рассмотрена в качестве локальной герменевтической процедуры. Показано, что опыт чтения всегда осуществляется в контексте интерпретации нашего собственного настоящего (самоинтерпретации). Генеалогия, рассмотренная в форме самоинтерпретации настоящего, является критикой и проблематизацией нашего

опыта чтения поэтического текста в контексте осознания его социальных (дискурсивных) детерминант. И в этом качестве она позволяет обнажить ряд мифов, которые мы невольно воспроизводим в интерпретации поэтических и философских текстов.

Теоретическое и практическое значение диссертации.

Настоящая диссертационная работа иллюстрирует потенциал социально-философского исследования, осуществляемого на микросоциальном уровне. Результаты диссертации могут быть использованы при дальнейшей концептуальной разработке герменевтического подхода и дискурс-анализа в социальной философии, а также при подготовке лекционных курсов и семинаров по методологии социально-философского исследования, герменевтике, философии языка.

Апробация исследования.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры общей философии Казанского государственного университета. Существенные аспекты содержания настоящей работы изложены в пяти публикациях автора. Отельные положения и результаты исследования были изложены в выступлениях на Второй и Третьей Всероссийских ежегодных научно-практических конференциях «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики» (Казань, КГУ, ноябрь 2006-2007 гг.); на итоговой конференции по научно-исследовательской деятельности Казанского государственного университета (Казань, КГУ, январь 2010 г.).

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, двух глав, состоящих из шести параграфов, заключения и списка литературы, включающего в себя 112 наименований. Общий объем диссертации — 116 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Поэтическое слово: герменевтическое истолкование» дан подробный анализ истории формирования философской герменевтики, а также рассмотрено (в свете философской герменевтики) содержание понятий «текст», «художественный текст», «поэтический текст».

1.1. *Человек, язык, понимание: из истории философской герменевтики.*

Поскольку ключевыми для нашего исследования являются идеи М.Хайдеггера и Г.-Г.Гадамера, остановимся, прежде всего, на изложении некоторых принципиальных для нас положений герменевтики в понимании ее данными авторами.

Важнейшей в истории герменевтической мысли стала работа Мартина Хайдеггера «Бытие и время». Понимание рассматривается здесь не столько как способ познания, сколько как способ бытия. Человеческое бытие (Dasein) есть с самого начала *бытие понимающее*. Именно благодаря этому обстоятельству человек в состоянии схватывать мир на допредикативном уровне. Истолкование изначально заложенного в человеческом бытии понимания М.Хайдеггер называет «герменевтикой фактичности».

Из всех видов текстов М.Хайдеггер, в первую очередь, делает акцент на рассмотрении поэтического текста. Поэт, определяемый М.Хайдеггером как «первичный строитель мира», несет за свой язык такую же ответственность перед бытием, как и Dasein, избравшее «возможность-быть-самим-собой». Подлинное Dasein рождается из вопрошания бытия и реализует способность быть при помощи слова в даре поэтической жизни.

Человек, согласно учению М.Хайдеггера, существует исторически в той мере, в какой он не просто «предоставлен» своим историческим условиям, а в той, в какой он определенным образом относится к этим условиям как к своим собственным возможностям. Это отношение к исторически определенному миру как пространству возможностей развертывается в понимании. Понимание как отношение к возможностям, в свою очередь, исторично, ибо всегда связано с ситуацией, в которой человек себя застает. Выход за пределы собственной ситуации, ее «трансцендирование» делает возможным понимание другой исторической ситуации. В ходе установления отношения к другой ситуации обретается понимание собственной ситуации, т. е. самопонимание.

Эти следствия и выводит из «Бытия и времени» Ганс-Георг Гадамер. Развитая Гадамером концепция философской герменевтики — результат синтеза экзистенциально-феноменологической философии с предшествующей герменевтической традицией. Как и для М.Хайдеггера, понимание для Г.-Г.Гадамера является определением человеческой экзистенции — «Dasein есть понимание», которое предшествует всякой методологической

рефлексии. Основной вопрос философской герменевтики, по Г.-Г.Гадамеру, состоит в том, что значит понимание, и как оно сбывается на фундаментальном уровне. Понимание не просто лежит в основе нашего отношения к тем или иным текстам, но в основе нашего отношения к миру. Поэтому герменевтика, будучи философией понимания, имеет универсальный статус, или универсальное измерение. Она не ограничивается методологическими вопросами истолкования произведений прошлой культуры и не сводится к разработке методологии гуманитарного познания, но имеет отношение к фундаментальным, онтологическим, структурам человеческого существования, к базисным моментам нашей коммуникации с другими людьми и нашего отношения к действительности.

Можно сказать, что Г.-Г.Гадамером была сформулирована гипотеза, пытающаяся раскрыть сущность своеобразной «герменевтической логики». По его мнению, мы понимаем смысл текста, если понимаем вопрос, ответом на который является текст. Мы достигаем понимания в случае слияния «горизонтов понимания» интерпретатора, пытающегося реконструировать вопрос, и текста. Историческая дистанция, как утверждает Г.-Г.Гадамер в противовес Ф.Шлейермахеру и В.Дильтею, не затрудняет, а облегчает процесс понимания. Условием понимания является не «уравнение» истолкователя и автора, не его «вживание» в личностное своеобразие последнего, а «слияние горизонтов», т. е. опосредованное отношение прошлого и настоящего, при котором сохраняются их специфические особенности. Причем слияние это никогда не бывает полным. Дистанция, отделяющая истолкователя от истолковываемого текста, всегда остается. Она составляет необходимое условие понимания.

Таким образом, понимание из модуса познания превращается в модус бытия. Г.-Г.Гадамер считает понимание моментом человеческой жизни. Такая оценка понимания переориентирует устремления герменевтики как научной дисциплины в сторону создания герменевтики как способа философствования.

1.2. Текст, художественный текст, поэтический текст: особенности осмысления в философской герменевтике. Основная идея данной части работы может быть выражена следующим образом: *текст в герменевтике тождественен его интерпретации*. Для нас эта общеизвестная герменевтическая формула означает: текст — это *интертекст*, который образуется в результате взаимодействия двух личностей. Текст живет в соприкосновении с другим текстом (как другим своим контекстом). Мы исходим из предположения, что одним из контекстов текста является *возможный* его читатель, находящийся в конкретной (исторической, экзистенциальной) ситуации. Смысл текста событийен: он *случается* (подобно внезапной вспышке яркого света) в процессе его интерпретации, суть которой в самом

широком смысле можно обозначить как «*наложение*» ситуации читателя на содержание текста. Понимание текста высвечивает как смысл текста, так и смысл ситуации читателя. Поэтому мы утверждаем: *интертекст*, образующийся на пересечении смысла текста и ситуации читателя, сам в свою очередь носит ситуативный и локальный характер. Для нас это означает, что понимание текста основано на *принципе разрешимости*, то есть мы исходим из допущения, что интерпретация конечна: есть смысл, который может быть кем-либо «считан» в настоящий момент. Но мы считаем, что этот смысл ситуативен и локален, и он характеризует не текст, а интертекст (текст, включенный в ситуацию его читателя).

Данное понимание текста как интертекста, образующегося в результате интерпретации, особенно ярко проявляет себя в поэтическом тексте с его метафоричностью и множественностью смыслов, с его чутким отношением к слову и способностью открывать новое. В современной литературе (преимущественно постструктуралистской ориентации) предпринимались попытки увидеть в любом тексте элементы художественного текста. Мы оставляем за рамками нашей работы обсуждение правомерности этого допущения. Хотя вслед за Г.-Г.Гадамером мы признаем известное сходство поэтического и философского текста (и тот и другой не могут быть ложными или истинными).

Вышесказанное означает, что важной характеристикой интертекста является та или иная степень осознанности *своей* ситуации возможным читателем текста, благодаря которой происходит «считывание» смысла текста. Однако наша ситуация — это ситуация борьбы с самим собой. Интертекст содержит идеологические коннотации, которые не позволяют нам сразу, «напрямую» встретиться с поэтической истиной. Наша включенность «в настоящее» всегда связана с неким актуальным социальным фоном, который является условием понимания, наделяя нас необходимыми средствами истолкования, но одновременно он же вносит в процесс нашего понимания самого разного рода искажения.

Во второй главе «Событийность поэтического слова и предвзятая интерпретация» раскрывается содержание поэтического текста как со-бытия человека и (социального) мира и вводится представление о предвзятой интерпретации.

2.1. Поэтическое слово как (со)бытие: экспозиция проблемы.

В интеллектуальной культуре XX века в рамках так называемого «лингвистического поворота» философы как будто возвращаются к средневековой идее «изначального (божественного) Слова», творящего реальность. Слово вновь рассматривается как обладающее своей автономией, и как когда-то оно обретает власть над человеком. Но в XX веке отношение к этой власти слова будет иным, нежели в Средние века. Человек должен постоянно вести борьбу со словом, вносящим сумятицу в его мысли. Он должен освобождать

себя от несурзностей, навеянных словом, устремляясь к последней ясности («поздний Л.Витгенштейн»). Ему надлежит научиться обходить многочисленные ловушки, расставляемые словом в тексте для того, чтобы уметь распознать его скрытый смысл (деконструктивизм Ж.Деррида).

Вместе с тем, в рамках «лингвистического поворота» можно найти иное отношение к слову. Философия относится к слову, также как и поэзия, доверительно. В соответствии с мыслью М.Хайдеггера и Г.-Г.Гадамера слово не обманывает человека (если, конечно, он сам не хочет обмануться). Язык — дом бытия. Если где-то еще и живет истина, то этим «местом» является слово. Не сознание или мышление, не действие или практика. Одно Слово связывает человека с миром. Правильнее сказать: несет в себе возможность этой связи. Истина — это не только то, что можно обнаружить с помощью научного метода, но и то, что открывается человеку в определенном модусе его существования — понимании или истолковании, связанным с внимательным, чутким отношением к слову. Слово, рожденное в глубине индивидуального усилия, философского или поэтического, обладает особым свойством. Оно не просто является указанием на что-то иное, оно само есть то, что представляет. В философском и поэтическом творчестве или в их со-творческом истолковании человек событийствует миру. Значительные философские и поэтические произведения открывают для их читателей сами вещи. Язык этих произведений оказывается «языком» вещей, о которых пишет философ или поэт. В этом смысле философия и поэзия позволяют человеку ощутить присутствие мира.

Философское и поэтическое слово *событийно*, в нем выражается то, что реально происходит с человеком — *целостность* его и мира. Речь здесь идет не о чем-то высоком и туманном, а, например, о заинтересованности человека своим делом или о том, что может удивить кого-то настолько, что буквально «вынесет» в мир — ту его часть, которая повергла его в удивление.

Итак, поэтическое слово *событийно*: оно черпает свои силы в авторе, который переступил через свою ограниченность и оказался прямо в мире — среди того, о чем он пишет. В поэтическом слове с нами говорят сами вещи. Но именно это позволяет будущему читателю поэтического текста совершить невозможное — очутиться там, где некогда был поэт, среди тех же вещей мира. Высокая поэзия порождает в читателях, любовно относящихся к слову, эффект со-бытия, соприсутствия тому, о чем пишет автор.

Поэт, видимо, как и философ, занят *осмыслением*: он стремится проникнуть в смысл вещи. Но пути философа и поэта различны. Философ нетороплив и размерен — ему важно развернуть процесс осмысления, а не только указать на смысл. Поэт не столь медлителен, он

расторопен и быстр: ему подобает *сразу* оказаться в смысле вещи, что он и делает, прибегая к образу. Смысл открывается поэту непосредственно и целиком. Но поэт одаривает нас смыслом, зачастую не всегда понимая, в чем состоит этот смысл. Философ может рассказать нам об этом, истолковав стихотворение в горизонте мира. И здесь не обойтись без мышления и особых слов — терминов или понятий.

Для поэзии также сущностно важно *звучание* слова. Оригинально, неожиданно звучащее выражение наделяет поэтическую речь силой *называния*, благодаря чему мысль обретает новые смысловые оттенки. Событие поэтического слова невозможно без соотнесения смысла со звучанием. Очевидно, поэтому поэтическое слово трудно перевести на другие языки. Перевод неизбежно будет являться истолкованием, что означает новым написанием стихотворения на другом языке. Переводчик должен оказаться на месте поэта — среди тех же вещей мира, которые тот стремился выразить в своем слове. Поэтическое произведение — смысловое со-бытие поэта миру. Стало быть, понять поэтическое слово, значит, попытаться со-бытийствовать тому, о чем говорит поэт.

Философская и поэтическая речь сходятся в одном: они буквально *придают* человеческой жизни смысл, позволяя каждому пережить свою причастность миру. В этом смысле философское и поэтическое слово, если оно подлинно, имеет отношение к истине. Только истина может придать смысл человеческой жизни.

Поэтическая истина событийна. Она открывается человеку, который *поместил* себя в мире. «Поместить себя в мире» означает открыться миру, впустить его в себя. Открытость миру — условие понимания поэтического произведения. Сопричастность к вещам мира (вместе с поэтом) — необходимое условие понимания. Но открытость миру — это и открытость различным *веяниям*. Социальные веяния — результат нашего бытия-совместно-с-другими. Социальные веяния — это то, что уводит нас от истины. Мы думаем, что хотим одного, а на деле желаем совсем другого. Наши желания и ценности формируют социальные веяния, а не мы сами. Идеология — одно из таких веяний. Встречаясь с философским или поэтическим текстом, мы рискуем ничего не увидеть в нем, если нам прежде не удастся обнаружить веяние, которым мы захвачены. Гораздо сложнее обнаружить веяния, которые существуют на уровне интертекста. В этом случае веяние является неотъемлемой частью нашего образа мыслей. С другой стороны, сам текст может выступать ретранслятором веяний, усиливая их действие в нас. Постижение поэтической истины связано с осознанием идеологических веяний, которые воздействуют на нас помимо нашей воли.

2.2. Интертекст, интерпретация и дискурс.

Мы утверждаем, что *интертекст* представляет собой единство чужого текста и нашей его интерпретации, основанной на уникальной исторической и экзистенциальной ситуации. Текст и его интерпретация, согласно герменевтической традиции, представляют собой одно целое. Но это целое (интертекст) может пониматься по-разному. С нашей точки зрения, здесь возможны два подхода: первый основан на концепции речевых высказываний, второй — на концепции дискурса.

Язык входит в жизнь человека не через предложение, а через высказывание. Именно высказывание, а не предложение имеет непосредственный контакт с действительностью. Высказывание делает текст чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. Высказывание обнаруживает себя в ситуации и цепи текстов, в диалогическом отношении. Высказывание имеет смысл, а не значение и требует *ответного* понимания.

Интертекст, с точки зрения концепции М.Бахтина, представляет собой напряженное, поляризованное поле диалогических отношений (здесь необходимо напомнить, что сам термин «интертекст» был введен в Ю.Кристовой, которая как раз и опиралась на диалогическую концепцию М.Бахтина). Поэтический или философский текст является уникальным *высказыванием*, требующим ответного понимания. Но *ответить* пониманием может только человек, которому есть что *высказать*. Поэтому чтение текста как высказывания — это всегда интерпретация. Интерпретация — поиск понимания, которое может быть ответом на *наш* вопрос, который мы *уже* задали себе. Именно в интерпретации встречаются разные смыслы и ценности, сталкиваются различные высказывания, обретая или теряя свои «голоса». Интерпретация конечна, она завершается пониманием — наше мышление обретает свою форму, выстраивается целое *нашего* высказывания. Оно, в свою очередь, ждет такого же ответного понимания. Интертекст, таким образом, в соответствии с подходом М.Бахтина, является пространством *общения*, речевого взаимодействия. И основной формой этого общения является диалог.

Другая важная характеристика интертекста, согласно учению М.Бахтина, это его *событийность*. Событийность в данном случае можно рассматривать в двух смыслах. Во-первых, это событийность самого интертекста. Интертекст — ситуативен и локален. Он проявляется (случается) в момент интерпретации, свидетельствуя о *причастности* читателя и автора друг другу в *одном* тематическом или проблемном поле. «Неслиянные голоса» автора и читателя, оставаясь собой, обнаруживают общее для них пространство интертекста,

которое, еще раз напомним, неотделимо от акта интерпретации. Если читатель вступает в игру с автором, позволяя самым разным смыслам, «своим» и «чужим», встречаться друг с другом, притягиваться или отталкиваться, образовывать какие-то связи — создается та необходимая «среда», без которой понимание произойти не может. Важно само событие понимания, которое в терминах М.Бахтина можно сформулировать как формирование собственного высказывания. Оно — это новое высказывание — венчает свободную игру смыслов в пространстве интертекста. Поэтому, во-вторых, понимание — тоже событие, но уже в другом смысле, не как со-бытие в причастности друг другу автора и читателя, а как *случай*. Причастность читателя смыслу поэтического или философского текста, которое позволяет сформулировать свое понимание-высказывание, большая удача, которую спрогнозировать нельзя. Единственное, что можно сказать здесь: понимание — событие интертекста и вне него состояться не может.

Стоит обратить внимание на следующий важный момент: интертекст субъективен, потому что с помощью этого понятия мы описываем то, что происходит с человеком, интерпретирующим текст. Но интертекст столь же объективен, поскольку касается смыслов, которые вполне реальны — они оказывают действия на человека. Поэтому в этом случае удобнее использовать третье понятие, которое включает в себя сразу две характеристики (субъективность и объективность), а именно *интерсубъективность*. Интертекст «интерсубъективен» в том смысле, что он образуется в результате *реального* (причащающего) взаимодействия читателя и автора, предстающего перед нами в качестве *смысла* своего произведения.

При таком подходе интертекстуальное пространство будет основано на персонологическом принципе. Интертекст — «точка вненаходимости» для двух «неслиянных голосов», ищущих понимания. В центре концепции М.Бахтина расположено *отдельное*: конкретное высказывание и конкретный субъект этого высказывания. Взаимодействие субъектов речи осуществляется посредством диалога. А там, где имеет место быть бытие-с-другими, там возможно и то, что мы называем *идеологическими веяниями*.

Интертекст как интерсубъективное пространство общения, делающее явным высказывание автора, предстает как насквозь идеологическое образование, поскольку любой знак идеологичен по своей природе. Следует помнить, однако, что М.Бахтин понимает идеологию предельно широко — как духовную деятельность вообще. Идеология в этом случае является синонимом сознательной деятельности человека. Любое *выражение* идеологично, поскольку несет в себе определенный смысл, идею. Идеологичен и интертекст как «место» встречи разных высказываний.

Но можно иначе посмотреть на данную проблему. Интертекст как своеобразное смысловое поле обмена высказываниями проявляет себя в процедуре интерпретации. Именно в пространстве интертекста мы встречаемся со значимым для нас смыслом того или иного произведения. Интертекст полифоничен, исполнен смыслового «многоголосия». Значит, возможны искажения и подмены, но интерпретация в рамках персонологически ориентированной философии языка М.Бахтина — личностно окрашенное действие. В ней читатель интимно причащается уникальному смыслу авторского высказывания. М.Бахтин исходит из приоритета личности и ее способности справиться со всеми эпистемологическими трудностями самостоятельно. Поэтому проблема идеологических веяний, в том смысле, о котором мы говорили выше, в рамках данной концепции интертекста не ставится. Ценность личности важнее ценности создающих ее условий. Кроме того, понимание здесь — это всегда *случай*, а раз так, то никакие факторы не являются *достаточными*, ни внешние, ни внутренние, ни сознательные, ни бессознательные. Даже самые благоприятные условия, не могут гарантировать адекватного понимания. Но, с другой стороны, ничто не может заменить личностного усилия, направленного на понимание.

Другое понимание интертекста можно найти в концепции дискурса. Проблематика дискурса была сформулирована в связи с осознанием необходимости исследовать текст не только в связи с внутритекстовыми закономерностями, но и экстра- внетекстовыми факторами. Язык в этом случае рассматривается как составная часть социальной деятельности.

Сегодня дискурсивный анализ является быстро развивающейся междисциплинарной областью знания. По мнению Т.А. ван Дейка, дискурсивный анализ сложился в конце 70-х – 80-х годах XX века на основании достижений в области структурализма, семиотики, микросоциологии, философии языка (и прежде всего теории речевых актов Д.Остина и Д.Сёрля), социолингвистики, теории речевой и массовой коммуникации. Согласно Т.А. Ван Дейку, дискурс, в широком смысле, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. Понятие дискурса, таким образом, позволяет рассматривать текст в контексте экстралингвистических факторов на микросоциальном уровне.

С этой точки зрения, герменевтическое «текст и его интерпретация суть одно» будет означать *коммуникативное событие*, происходящее между автором текста и его читателем. Можно сказать иначе: интертекст — это то, что образуется в результате коммуникативного действия, разворачивающегося в определенном ситуативном (историческом, экзистенциальном) контексте. Интерпретация поэтического или философского текста и есть такое коммуникативное действие.

Термин «действие» обозначает процесс или результат вербальной активности субъектов. Интертекст как дискурс представляет собой *актуально* осуществляемый процесс речевой активности. Интертекст существует *в момент* осуществления интерпретации и неотделим от нее. Поэтому интертекст как дискурс необходимо отличать от объективированного текста, являющегося предметом лингвистики.

Для нас представляют интерес те значения поэтического (и философского) текста, которые, согласно Т.А. ван Дейку, приписываются тексту или извлекаются из него в процессе интерпретации читателем. И конечно, эта интерпретация основана на общих значениях, известных автору и читателю.

Именно эти «общедоступные значения» могут быть рассмотрены, в частности, как идеологические. По мнению представителей дискурсивного анализа (или дискурс-анализа), дискурс играет особую роль в выражении и воспроизведении идеологии: он позволяет непосредственным образом формулировать идеологические веяния и верования и распространять их среди членов тех или иных социальных групп.

Но дискурс может транслировать идеологию и неявным образом. О связи дискурса и власти (и идеологии) много писал М.Фуко. Как известно в своей «Археологии знаний» он понимал под дискурсом сразу несколько вещей: общее поле всех высказываний и одновременно группу высказываний, а также некую практику их создающую. При этом М.Фуко считал, что понятие дискурса должно использоваться для репрезентации неявных значений высказываний, которые скрываются за фасадом объективированного текста или речи. Отсюда необходимость анализа высказываний в контексте внеязыковых его условий, что и подчеркивается понятием «дискурсивные практики». Цель дискурсивного анализа М.Фуко — вскрытие неявных механизмов, ускользающих от власти объективированных форм культуры, но наделяющих эти формы способностью нечто утверждать. Дискурсивные практики обладают властью *заставлять* людей «говорить» определенные вещи (речь идет о предопределенности нашего мышления социальными, культурными и пр. условиями). Поэтому дискурсивные практики могут быть рассмотрены в качестве своеобразных ретрансляторов идеологии.

Исходя из вышеизложенного, можно также отметить, что теории ван Дейка и М.Фуко не идут здесь в отрыве друг от друга, а имеют точки соприкосновения. Сходство состоит в том, что, во-первых, и для ван Дейка и для М.Фуко понятие дискурса позволяет анализировать *неявные* механизмы функционирования культуры (разворачивающиеся на уровне коммуникации, как у ван Дейка, или на уровне практик, как у Фуко). А во-вторых, понятие дискурса, и для первого и для второго философского автора, позволяет сочетать внутриязыковые и внеязыковые факторы функционирования языка (при анализе последнего).

Итак, интертекст — это модель, которая описывает диалогические отношения уникального авторского высказывания и читателя на «многоголосом» фоне «общедоступных» неявных смыслов. Можно представить ситуацию, когда субъект как бы накладывает некую «матрицу понимания» на все (философские) тексты, с которыми он встречается, интерпретируя их в одном ключе. Именно здесь мы встречаемся с феноменом *предвзятой интерпретации*, основанной на теоретическом пред-знании. Изобретение философского концепта позволяет по-новому прочитывать ряд философских проблем, вдыхать в них новую жизнь. Мы не видим в феномене предвзятой интерпретации ничего плохого, но эта позиция верна до известного предела. Сложность здесь состоит в том, что субъект предвзятой интерпретации в какой-то момент «срастается» со своей теорией (пред-знанием), он не может выйти за пределы значимых для него смыслов. Чтение любого философского текста превращается в обоснование комплекса своих идей. Но интертекст — это «место», которое предоставляет возможность по-иному посмотреть на свои же идеи, сталкивая их с самыми разными смыслами. У нас всегда есть шанс изменить привычную точку зрения. Но не все хотят этого, тогда интерпретация становится *идеологической*.

Назовем *идеологией* инструментарий (категориальный, понятийный, образный), который используется для обоснования уже известной истины, которую мы принимаем некритически как готовую. Категориальный аппарат философии может применяться как для поиска истины, так и для обоснования уже открытой истины. Применение философии во втором случае делает ее идеологией. Предвзятая интерпретация может быть *идеологической*, когда она фактически становится обоснованием уже известной для читателя точки зрения. Чтение в этом случае не является опытом открытия нового и изменения читателя, оно выполняет функцию оправдания и усиления привычной позиции. В любом тексте интерпретатор выискивает, иногда даже помимо своей воли, определенные смыслы, которые могут удовлетворить его концепцию, и не видит ничего другого. И наступает момент, когда выработанная позиция предстает как препятствие. Слово «обоснование» здесь надо понимать в нескольких значениях: это и рациональное обоснование, и собственно предвзятое

обоснование, основанное на *неадекватном* чувстве «знания истины» — когда-то мы что-то поняли, а теперь наше понимание превратилось в шаблон, который мы механически используем в качестве основания нашего понимания. Поэтическая или философская истина не может быть штампом — механическим орудием, служащим цели простого приращения смысла. Интерпретация может изменять человека — в этом состоит суть событийного понимания поэтической истины.

2.3. Поэтическая истина, пред-рассудок и предвзятая интерпретация.

М.Хайдеггер пишет, что способ, каким бытие свидетельствует о самом себе, есть, поэтический текст. Поэт говорит, вслушиваясь в тишину, в зов бытия. Бытие говорит через поэта о самом себе. Суть поэтического текста – дать голос бытию, создать условия для его самораскрытия. Следуя за мыслью Хайдеггера, можно сказать, что поэтический текст — это откровение бытия «совершенным», событийным способом.

Следовательно, понятие «событие» мы употребляем в двух значениях. Первое значение — это понимание события как мгновенной вспышки смысла, результирующей наш опыт чтения поэтического текста. Второе значение — это рассмотрение события как со-бытия, то есть дискурса, коммуникативного действия, разворачивающегося в пространстве интертекста. Эти два значения термина «событие» являются взаимодополняющими друг друга. Постигание поэтической истины возможно в «пространстве» интертекста, который, в свою очередь, обладает свойствами события, случается в процессе интерпретации.

Важную для нас характеристику события предлагает В.Руднев: для того, чтобы происходящее, например, чтение и интерпретация поэтического текста, могло стать событием, оно должно стать для личности чем-то из ряда вон выходящим, более или менее значительно меняющим его поведение либо в масштабе всей жизни, либо какой-то ее части.

Событие характеризуется спонтанностью, внезапностью. Внутри события пространственно-временные координаты художественного и реального миров смешиваются, преобразуются в чистую длительность свершающегося, граница между ними размывается, внешняя и внутренняя дистанция между автором, произведением и реципиентом исчезает — автор и читатель оказываются «служителями одной истины».

Феномен идеологической или предвзятой интерпретации основан на пред-знании, которое может принимать форму предрассудка. Как известно, Г.-Г.Гадамер утверждал, что понимание имеет форму «герменевтического круга». Этим он хотел сказать, что всякая новая интерпретация является частью более широкого контекста — исторической традиции. Интерпретирующий и интерпретируемое изначально включены в нее. В таком случае пред-рассудок должен пониматься не только негативно.

Пред-рассудок как предварительное суждение может играть роль некой предварительной расположенности, преднастроенности на понимание, из которого оно и рождается. Конечно, прежде чем мы окажемся в событии понимания, прежде чем мы рационального что-то сформулируем и объясним, еще раньше (незаметно для себя) мы уже интерпретируем, истолковываем то, что собираемся понять и объяснить. И это «незаметно для себя» может быть как позитивным — так мы располагаемся, например, в некой традиции или школе, примериваем на себя некие способы истолкования. Но может случиться и так, что мы незаметно для себя расположились в предвзятом отношении к тексту — своя или чужая теория, которую мы разделяем, может выступать условием *непонимания* текста. Наше чтение поэтического или философского текста превращается в средство *обоснования* внешней по отношению к тексту позиции. Такое чтение-интерпретацию мы назвали *предвзято-идеологической*.

В этой связи можно предположить, что интертекст (среди прочего) актуализирует идеологемы, он не является свободным от идеологии — интерпретация иногда принимает форму процедуры, способствующей усилению нашего самообмана. Многим из нас хорошо знакома ситуация, когда один и тот же текст «прочитывается» разными авторами прямо противоположным образом.

Опираясь на бартовское понимание идеологии, сформулируем несколько важных для нас черт *идеологически предвзятой интерпретации*.

1. Эта интерпретация всегда будет частичной, неполной в том смысле, что она формируется на основе избирательного чтения того или иного автора, в творчестве которого выделяются те или иные отдельно взятые (поэтические) идеи, положения, формулировки.

2. Вместе с тем, будучи избирательной, эта интерпретация, тем не менее, претендует на самое полное и адекватное прочтение того или иного автора.

3. При этом идеологически предвзятая интерпретация всегда претендует на естественность, свою укорененность в некоем «изначальном порядке вещей». Она никогда не будет историчной. А это означает, по Г.-Г.Гадамеру, то, что она никогда не будет основываться на диалоге, на уважении другой точки зрения.

4. Соответственно, эта интерпретация будет «боевой», агрессивно-наступательной. Она выражает борьбу, которую непрестанно ведет с миром интерпретатор.

5. Идеологически предвзятая интерпретация основана на стереотипах, готовых клише и штампах. Они воспроизводятся в интерпретации и выдаются за ее результаты.

6. Предвзятая интерпретация проявляет себя на микросоциальном уровне коннотативных значений дискурса, в которых ретранслируются формы коллективного сознания. Также в них воспроизводятся и индивидуальные мифы.

7. Наконец, еще одной существенной чертой этой интерпретации является то, что она фактически сворачивает интертекст, превращает его в однородный массив смыслов, отличающихся друг от друга разве что небольшими оттенками и нюансами. Природа интертекста полифонична – «там» встречаются разные, равноправно звучащие голоса. Предвзятая интерпретация лишает другие высказывания права голоса. Она обладает силой принуждения.

2.4. Генеалогия как (само)интерпретация.

Мы считаем, что одно из средств ограничения спонтанности «интерпретативных движений» может быть *генеалогия*, если рассматривать ее в качестве герменевтической процедуры.

Нам представляется, что сопоставление герменевтики Г.-Г.Гадамера и генеалогии М.Фуко возможно, поскольку два названных философских подхода опираются на языковую картину мира, они выстраиваются, опираясь на онтологию языка.

Генеалогия имеет дело не с текстом, а с дискурсом, она пытается вывести проблематику текста за пределы внутритекстовых закономерностей. Но это же фактически делает и Г.-Г.Гадамер, приравнивая текст и его интерпретацию. Когда мы говорим о генеалогии как герменевтической процедуре, мы исходим из допущения, что генеалогия может быть рассмотрена в качестве некоего критического модуса интерпретации.

Генеалогия описывает прошлое, сознательно включая в это описание наше *сегодняшнее отношение* к прошлому. Можно сказать и так: генеалогия раскрывает эволюцию какой-либо проблемы, опираясь на наше сегодняшнее отношение к этой проблеме. Это означает, что историческая реконструкция служит решению актуальной проблемы, а «историк настоящего» не стремится к полноте исторической реконструкции — его не интересует история сама по себе. Для нас это означает: историзм является хорошим лекарством от идеологии. От мифов и предвзятости можно избавиться, обращаясь к историзму как методу интерпретации.

Мы можем назвать совокупность значимых для нас проблем «проблематичными конфигурациями» — это социальные ситуации, представляющие собой определенную проблему. В них есть нечто загадочное; они выделяются на фоне привычного порядка вещей, и когда мы принимаем их во внимание, мы тем самым занимаем критическую позицию по отношению к так называемому простому описанию социальной реальности и к привычным способам делать на основе такого описания соответствующие выводы

Итак, наша интерпретация претендует на историзм, но истоки этого последнего коренятся не в нашем желании понять историческое событие само по себе, объективно и ради него самого. Мы утверждаем, что наше чтение поэтического или какого-либо другого текста всегда ангажировано настоящим, а именно проблемными конфигурациями. Оно осуществляется на фоне этих последних.

Проблемные конфигурации вычерчивают настоящее в его своеобразии и новизне. В основании генеалогии лежит допущение настоящего как *нового* исторического этапа, хотя и связанного с предшествующими.

Следует иметь в виду, что генеалогический проект М.Фуко связан с ницшеанской генеалогией в том, что он также одной из своих задач видит вскрытие латентной конфигурации власти. Генеалогия — это критика существующего социального порядка, вскрытие его неявной структуры. Для нас это положение означает, что интерпретация текста является частью самоинтерпретации. Если мы хотим минимизировать воздействие идеологических веяний, наш опыт чтения должен осуществляться в контексте интерпретации нашего собственного настоящего (самоинтерпретации) в указанном выше смысле (как нашего дискурса).

Генеалогия утверждает: прошлого *в чистом* виде не существует. Это означает: прошлое перевоссоздано настоящим; оно существует как инновации (настоящего), в которых *претворено* историческое предание. Поэтому важнейшей составной частью процедуры интерпретации является *самоопределение* интерпретатора, его попытка осознать себя в контексте своей ситуации, которая всегда связана с тем, что происходит *сегодня*. Процедура интерпретации текста сопрягается с процедурой *самоинтерпретации* своей ситуации. Поэтическая (философская) истина неотделима от истины, касающейся нас самих.

Бытие-в-мире — это бытие-вместе-с-другими. Поэтому самоопределение — это процедура не *отделения* себя от других людей, а, напротив, *включения* в бытие другого. Самоинтерпретация предполагает расширение контекста своей жизни за счет привнесения в нее новых смыслов, имеющих отношение к происходящему *сегодня*. Самоинтерпретация — это трансценденция себя как отдельного сущего. Таким образом, встреча с поэтической (философской) истиной предполагает опыт трансценденции себя.

Осознать свою ситуацию и как ситуацию других людей, и тем самым трансцендировать себя возможно через столкновение с проблемой. Смысл текста в полной мере раскрывается тогда, когда читатель находит в тексте ответ на свой, волнующий его вопрос. Трансценденция себя основана на осознании проблемы.

Следует отметить здесь, что *увидеть* необычное в социальной жизни может лишь исследователь, глубоко владеющий социальным анализом. Можно сказать иначе: загадочное и непривычное (проблемное) в социальной жизни проявляет себя лишь для человека, глубоко укоренного в историческом предании (владеющего тем или иным аппаратом социального анализа, заинтересованного, нравственно вменяемого и т.д.). В противном случае проблемные ситуации будут просто *не видны*.

Подводя итог, отметим следующее: генеалогия, рассмотренная в форме самоинтерпретации настоящего, является критикой и проблематизацией нашего опыта чтения в контексте осознания его социальных (дискурсивных) детерминант. И в этом качестве она позволяет обнажить ряд мифов, которые мы невольно воспроизводим в нашей интерпретации поэтических и философских текстов.

В **Заключении** диссертации в сжатой форме сформулированы основные идеи, обоснованию которых посвящено настоящее исследование, обозначены перспективы дальнейшей разработки указанной проблемы.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ***В изданиях рекомендованных ВАК:***

1. Петрушин Е.С. Д.Зильберман о природе понимания в социальной антропологии (опыт проблемной реконструкции) / Е.С. Петрушин, Г.В. Мелихов // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 151. Серия: Гуманитарные науки. Книга 1. – Казань: КГУ, 2009. – С.44-50.

В прочих изданиях:

2. Петрушин Е.С. Проблема самовыражения в творчестве: философское осмысление / Е.С. Петрушин // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы Второй Всероссийской ежегодной научно-практической конференции. Казань, Казанский государственный университет. – Казань.: ЗАО «Новое знание», 2006. – С.92-96.

3. Петрушин Е.С. Субъект и творчество: социально-философский анализ формирования художественного текста / Е.С. Петрушин // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы Третьей Всероссийской ежегодной научно-практической конференции с международным участием. Казань, Казанский государственный университет. – Казань.: ЗАО «Новое знание», 2007. – С.255-258.

4. Петрушин Е.С. Слово и событие: к проблеме истолкования поэтического текста (опыт прочтения Г. Гадамера) / Е.С. Петрушин // Материалы 1-ой Международной научно-практической конференции. Казань. Казанский государственный университет. – Казань: «Отечество», 2009. – С.319-324.